

Чутка ли власть к плодам научной рефлексии?

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Прежде всего, я бы хотел несколько уточнить уже отчасти прозвучавшую позицию проф. Галкина. К отмеченным им взаимоотношениям гуманитарной науки и власти я бы добавил сам объект гуманитарной науки, т. е. общество (или родового человека), чьи внутренние и внешние, эндогенные и коэволюционные связи и являются основанием интеллектуальной активности гуманитариев. Однако, важно видеть, что гуманитаристика продуцирует свои тексты (как способы существования специализированных знаков) в основном, в двух формах: в виде фундаментальной науки и в качестве корпуса прикладных знаний. Для первого случая сущностное оспаривание понятий, которое лежит в основании теоретического моделирования и объяснения всей группы социальных явлений, является когнитивным условием самоосуществления этой области знаний (особым образом структурированной информации). В этом плане полагать, что — даже в принципе! — возможно какое-то теоретически одностороннее прочтение сущностных характеристик социальных феноменов, значит разрушать всю эпистемологическую систему. Причем, касающуюся не только сферы гуманитарного знания. Напомню, что односторонне номинирование объекта противоречит и второму принципу теории относительности, напроочь отрицающему редукционистские подходы. Так что, прозвучавшее в устах содокладчика требование однозначной определенности теоретических интерпретаций, на деле противоречит общенаучным основаниям анализа социальных явлений.

Памятуя о когнитивных основаниях фундаментального познания, не следует забывать, что гуманитаристика облада-

ет и своей прикладной формой. И здесь, кстати, давным-давно состоялся синтез методов гуманитарных и естественных наук. Сегодня для решения любой — частичной — социальной проблемы с успехом используется целый «букет» исторических, социологических, математических и прочих инструментов анализа. В этой связи следует помнить и о том, что решение прикладных задач рассредоточено не только среди независимых экспертно-консультационных структур, но и в аналогичных государственных институтах. То есть власть также обладает (и контролирует) своими — в метафорическом плане, конечно — фабриками мысли. Больше того, эти структуры обладают значительно более высоким потенциалом влияния, поскольку туда входят ближайшие советники и помощники лидеров. И они смотрят на творения своих конкурентов не всегда комплиментарно. И уж тем более эти внутренние эксперты при решении проблем предпочитают собственные результаты анализа, свои рекомендации.

В этом смысле очень важно понять, что ЛПР имеют дело с двумя типами научных текстов: фундаментальными и прикладными. При этом итоги общенаучных, фундаментальных исследований чаще всего апеллируют к лидерам и госадминистраторам в их персональном — а не функциональном — качестве. То есть то, что производится фундаментальной наукой в лучшем случае рассчитано на усвоение представителями власти в своем чисто индивидуальном человеческом качестве. (Поэтому, речь в лучшем случае должна идти о степени чуткости работников власти и аппарата к плодам научной рефлексии). Но в любом случае требовать, чтобы ответственное, руководящее лицо смотрело на решение конкретной проблемы непременно через аналитическую призму — подчеркнем это особо! — **одной** из теоретических моделей довольно наивно. Администраторы не могут смотреть на проблему в таком широком контексте, подчиняя свое видение предметной целесообразности, от чего зависит селекция любой информации, в том числе

и той, что поступает в механизм принятия решений от когорты ученых. Ну, а когда доходит очередь до прикладных советов и рекомендаций, управляющие в основном руководствуются мнением либо приближенных советников (из околослужбовых «кухонь мысли»), а еще чаще сугубо личными, собственными представлениями (в которых, кстати, также отражен и опыт, и накопленные знания, и другая полезная информация. И заметьте: этот корпус персональных знаний легитимирован вместе с его носителем либо результатами выборов, либо поддержкой вышестоящего должностного лица. И считать, что все это может быть сознательно заменено сводом научных рекомендаций, довольно наивно).

Одним словом, обвинять гуманитариев в том, что они не могут «достучаться» до властей и заставить тех идти по выработанному наукой пути, романтично и главное — нерационально, поскольку такой взгляд искажает реальную картину взаимодействия корпуса ученых с когортой управляющих. Еще раз подчеркнем, что у управляющих не просто существуют собственные источники для оценки проблем, но и статусные prerogatives, за применение которых они несут ответственность. Так что эти люди в основном будут полагаться на те сведения, которые позволят им решить задачу в меру собственного понимания ситуации и при условии минимизации этой ответственности. И они будут смотреть на сторонние, в том числе и научные рекомендации, именно через эту призму.

Да, наука очеловечивает сознание правителей; да, она пытается воспитывать и само общество. Но совершенно понятно, что ее сторонняя мощь обусловлена и состоянием

Книжная миниатюра.
Художник А.И. Калашников

сознания контрагентов, и — это главное — зачастую противоречит их реальным функциональным возможностям. Так, для того, чтобы общество восприняло какие-то научные рекомендации, последние должны облечь себя в идеологическую оболочку. То есть в ту форму, которая связана с массовыми или групповыми интересами. Ну, а для влияния на управленческие круги надо институализировать саму процедуру обращения к независимой экспертизе. То есть решать вопросы, которые также находятся в ведении другой, более масштабной гражданской инстанции — общества в целом.

Так что, коротко говоря, отождествлять фундаментальные и прикладные функции (вкуче с механизмами их реализации) гуманитаристики, синтезировать их в едином концепте «гуманитарной науки», мне кажется, достаточно некорректным. И уж тем более нельзя согласиться с попытками однозначно атрибутировать прикладные функции науки, превратив ее тем самым в совершенно иное по своему характеру интеллектуальное образование. К сожалению, экспликации знаменитого тезиса Маркса о Фейрбахе все еще являются распространенными в отечественном обществознании, создавая вполне мифологические представления о роли социальных наук в обществе.

Так что, если задаваться идеей создания российского Rand corporation — значит надо исходить из понимания реальной схемы его деловой коммуникации с государством. Понимания того, как вообще и в нынешнее время, в частности, можно повысить качество научных рекомендаций, а также процедур их встраивания в реальный механизм целеполагания. Ну и в завершении хотелось бы отвести прозвучавшую здесь тезисы о «кризисе» гуманитарной науки. Поскольку оснований для этого что-то не видно. Напротив, хотелось бы выразить, пусть и осторожный, но все же оптимизм относительно и ее нынешнего состояния, и конечно перспектив ее будущего развития.